

*

Было чудесное весеннее воскресное утро. Георг Бендеман, молодой коммерсант, сидел у себя в кабинете на первом этаже невысокого домика на берегу реки, вдоль которой вытянулся целый ряд домиков того же типа, отличающихся один от другого, пожалуй, только окраской и высотой. Он как раз кончил письмо к другу молодости, живущему за границей, потом с нарочитой медлительностью вложил его в конверт и, облокотясь на письменный стол, стал смотреть в окно на реку, мост и начинающие зеленеть холмы на том берегу.

Он думал о том, что этот друг, недовольный тем, как у него шли дела на родине, несколько лет тому назад форменным образом сбежал в Россию. Теперь у него было торговое дело в Петербурге, которое вначале пошло очень хорошо, но за последние годы как будто разладилось, на что в каждый из своих приездов, от раза к разу все более редких, жаловался друг. Так он и трудился на чужбине без большой для себя выгоды: знакомое с детства лицо, нездоровая желтизна которого наводила на мысль о развивающейся болезни, осталось все тем же, несмотря на чужеземную бороду. По его словам, у него не установилось близких отношений с тамошней колонией его земляков, но и в русские семьи он был не очень-то вхож и, таким образом, обрек себя на холостяцкую жизнь.

Что можно написать такому явно зашедшему в тупик человеку? Ему можно посочувствовать, но помочь нельзя. Не посоветовать ли ему вернуться домой, продолжить свое существование здесь, возобновить старые связи – ведь этому никто не мешает, – а в остальном положиться на помощь друзей? Но ведь это же значит сказать ему – и чем мягче это будет сделано, тем болезненнее он это воспримет, – что до сих пор его старания не увенчались успехом, что ему надо отказаться от своей затеи и ехать домой, где на него будут указывать пальцем, как на неудачника, вернувшегося на родину, это значит сказать ему, что его друзья, никуда не уезжавшие и преуспевающие дома, – люди деловые, а он большой ребенок и ему остается одно: во всем следовать их советам. Да притом еще разве можно быть уверенным, что не зря причинишь ему столько мучений? Возможно, что вообще не удастся убедить его вернуться домой – ведь он сам говорил, что уже отвык от здешних условий, – и тогда он вопреки здравому смыслу останется на чужбине, уговоры его только озлобят, и он еще дальше отойдет от прежних друзей. Если же он все-таки последует советам, а потом будет чувствовать себя здесь униженным – разумеется, не по вине людей, а по вине обстоятельств, – если он не сойдется с прежними друзьями, а без них не станет на ноги, если он будет стесняться и стыдиться своего положения и почувствует, что теперь у него действительно нет больше родины и друзей, не лучше ли тогда для него остаться на чужой стороне, как бы туго ему там ни жилось? Можно ли в таком случае предполагать, что он здесь поправит свои дела?

По этим соображениям не следует сообщать ему, если вообще продолжать с ним переписку, о себе то, что без всяких опасений напишешь просто знакомому. Друг уже больше трех лет не был на родине и давал этому весьма неубедительное объяснение – в России-де очень неопределенное политическое положение, мелкому коммерсанту нельзя отлучаться даже на самый короткий срок. А между тем сотни тысяч русских спокойно разъезжают по всему свету. А ведь именно за эти три года произошли большие перемены в жизни самого Георга. О кончине матери, случившейся около двух лет тому назад, и о том, что с тех пор он, Георг, и его старый отец ведут сообща хозяйство, друг его, правда, еще успел узнать и выразил в письме свое соболезнование, но весьма сухо, причина чего, вероятно, крылась в том, что на чужбине невозможно себе представить всю горечь такой утраты. С тех пор он, Георг, гораздо энергичнее взялся за свое торговое дело, как, впрочем, и за все остальное. Возможно, что при жизни матери отец не давал ему развернуться, так как в делах признавал только собственный авторитет, возможно, что после смерти матери отец хоть и продолжал работать, но стал менее деятелен, возможно – и даже так оно, по всей вероятности, и было, – значительно более важную роль здесь сыграло счастливое стечение обстоятельств, – так или иначе, но за эти два года фирма Бендеман процвела так, как и ожидать нельзя было, пришлось взять вдвое больше служащих, торговый оборот увеличился в пять раз, можно было не сомневаться и в дальнейшем преуспевании.

Но друг ничего не знал о такой перемене. Раньше – последний раз как будто в том письме, в котором он выражал свое соболезнование, – он всячески уговаривал Георга перебраться в Россию и пространно писал о тех перспективах, которые сулит Петербург именно для его, Георга, рода торговли. Цифры, которые называл друг, были совсем незначительны в сравнении с тем размахом, который приобрело торговое дело Георга. Но Георгу не хотелось писать другу о своих успехах в коммерции, а если бы он это сделал теперь, задним числом, это действительно могло бы произвести странное впечатление.

И поэтому Георг обычно ограничивался тем, что сообщал другу о всяких пустяках, которые приходят в голову, когда в воскресенье сидишь и не спеша вспоминаешь вперемежку все что угодно. Ему хотелось одного – не нарушить того представления, которое за долгий период отсутствия сложилось у его друга о родном городе и которым тот удовлетворился. Вот так оно и получилось, что Георг в трех письмах, разделенных довольно большими промежутками, сообщил другу о помолвке достаточно безразличного им обоим человека с не менее безразличной им девушкой, так что в конце концов даже заинтересовал друга этим событием, хотя это совсем не входило в намерения Георга.

Но Георгу было приятнее писать ему о таких делах, чем сообщать, что месяц тому назад он сам обручился с фройляйн Фридой Бранденфельд – девушкой из состоятельной семьи. Он часто говорил с невестой о своем друге и о той особой позиции, которую занял в переписке с ним.

– Значит, он не будет у нас на свадьбе? – спросила она. – Но ведь я могу претендовать на знакомство со всеми твоими друзьями.

– Я не хочу беспокоить его, – ответил Георг. – Постарайся понять меня: он, конечно, приехал бы, по крайней мере, я так полагаю, но он стеснялся бы и чувствовал бы себя несчастным, возможно, он позавидовал бы мне и уж, конечно, был бы недоволен – и не мог бы побороть свое недовольство – тем, что возвращается один. Один – ты понимаешь, что это значит?

– Но разве он не может узнать о нашей свадьбе стороной?

– Этому я, конечно, помешать не могу, но при том образе жизни, который он ведет, это маловероятно.

– Если твои друзья таковы, то тебе, Георг, вообще не следовало бы жениться.

– Ну тут мы с тобой оба виноваты. Но я не жалею.

И она, прерывисто дыша под его поцелуями, сказала:

– А мне все же обидно.

Он подумал, что и вправду не так уж страшно написать другу обо всем. «Я таков, и пусть берет меня таким, как я есть, – решил он. – Не могу же я переделать себя в угоду нашей дружбе». И в длинном письме, которое он написал этим воскресным утром, он действительно сообщил ему о своей помолвке в следующих словах: «Самую приятную новость я приберегу к концу. Я обручился с фройляйн Фридой Бранденфельд, девушкой из состоятельной семьи, переехавшей в наш город несколько лет спустя после твоего отъезда, так что ты вряд ли ее знаешь. При случае я напишу тебе подробнее о моей невесте, а сегодня достаточно будет сказать, что я очень счастлив и что наши с тобой отношения изменились только в одном – до сих пор у тебя был просто друг, а теперь у тебя будет очень счастливый друг. Кроме того, в моей невесте, которая скоро сама тебе напишет, а пока просит передать сердечный привет, ты найдешь искреннего друга, что для холостяка не такое уж малое приобретение. Я знаю, обстоятельства таковы, что удерживают тебя от приезда к нам, но разве моя свадьба не достаточное основание, чтобы пренебречь всеми препятствиями? Как бы там ни было, считайся только с собой и действуй по своему усмотрению».

Георг долго сидел за письменным столом, глядя в окно и вертя письмо в руке. На поклон знакомого, который проходил мимо по улице, он ответил рассеянной улыбкой.

Наконец он сунул письмо в карман и прошел по короткому коридору в расположенную напротив спальню отца, куда не показывался уже несколько месяцев. Да в этом и не было нужды, потому что они постоянно встречались у себя в магазине и обедали одновременно в ресторане; вечером, правда, каждый сам заботился о своем ужине, но потом, в тех случаях, когда Георг не проводил время с друзьями или невестой, что теперь случалось довольно часто, они обычно сидели еще с полчаса вместе в общей гостиной, каждый уткнувшись в свою газету. Георг удивился, что у отца в спальне темно даже в такое солнечное утро. Как, значит, затемняет комнату, выходящую в узкий двор, высокая стена напротив. Отец сидел у окна в углу, наполненном всевозможными реликвиями, напоминающими о покойной матери, и читал газету, которую держал перед глазами как-то боком, стараясь приспособиться и помочь своему слабеющему зрению. Со стола не были убраны остатки завтрака, по-видимому, почти не тронутого.

– А, это ты, Георг, – сказал отец и сразу поднялся ему навстречу. Его тяжелый халат распахнулся, полы развевались при ходьбе. «Мой отец все еще богатырь», – подумал Георг.

– Здесь же страшно темно, – сказал он.

– Да, это верно, темно, – ответил отец.

– И окно закрыто.

– Мне так больше нравится.

– На дворе теплынь, – заметил Георг, как бы продолжая сказанное раньше, и сел.

Отец взял со стола посуду и поставил ее на ящик.

– Я, собственно, пришел только затем, чтобы сказать тебе, – продолжал Георг, рассеянно следя за движениями отца, – что все же написал сегодня в Петербург о моей помолвке.

Он вытащил было письмо из кармана, но тотчас же опустил его обратно.

– В Петербург? – спросил отец.

– Моему другу, – пояснил Георг и постарался заглянуть отцу в глаза. «В магазине он совсем другой, – подумал Георг. – Как он здесь расселся в кресле и руки на груди скрестил».

– Да. Твоему другу, – сказал отец с подчеркнутым ударением.

– Ты ведь знаешь, отец, я не хотел писать ему о своей женитьбе, заботясь только о нем, ни по какой другой причине. Ты сам знаешь, он трудный человек. Я решил, пусть услышит стороной о моей свадьбе – тут уж я ничего сделать не могу, хотя при его замкнутом образе жизни это маловероятно, – но только не от меня.

– А теперь ты передумал? – спросил отец, положил газету на подоконник, а на газету – очки и прикрыл их ладонью.

– Да, теперь я передумал. Если он мой близкий друг, решил я, то должен быть счастлив моим счастьем. И поэтому я уже не колебался и написал ему. Но раньше, чем бросить письмо в ящик, я хотел сказать об этом тебе.

– Георг, – сказал отец и растянул свой беззубый рот, – послушай! Ты пришел ко мне посоветоваться. Это, разумеется, делает тебе честь. Но это ничто, это хуже чем ничто, если ты не скажешь мне всей правды. Я не хочу касаться сейчас того, что сюда не относится. После смерти нашей дорогой мамочки творятся какие-то нехорошие дела. Возможно, и до них дойдет, и возможно, даже скорее, чем мы думаем. В нашем торговом заведении что-то от меня ускользает; может быть, от меня ничего и не скрывают – я сейчас не хочу думать, что от меня что-то скрывают, – я уже не тот, что прежде, память ослабела, я уже не могу уследить за всем. Во-первых, это естественный ход вещей, а во-вторых, смерть нашей мамочки повлияла на меня куда сильнее, чем на тебя. Но раз уж мы затронули этот вопрос в связи

с твоим письмом, прощу тебя, Георг, не лги мне. Это же мелочь, это выеденного яйца не стоит, так не лги мне. У тебя действительно есть друг в Петербурге?

Георг в смущении встал.

– Оставим в покое моих друзей. Тысяча друзей не заменит мне отца. Знаешь, что я думаю? Ты не бережешь себя. Ведь у возраста свои права. В нашем деле мне без тебя не обойтись, ты это отлично знаешь, но, если работа вредит твоему здоровью, я завтра же запроу магазин, и это уже навсегда. Так не годится. Тебе надо переменить образ жизни. И при этом решительно. Ты сидишь здесь в темноте, а в гостиной яркое солнце. Ты чуть притронулся к завтраку, вместо того чтобы как следует подкрепиться. Ты сидишь при закрытом окне, а воздух был бы тебе так полезен. Нет, отец! Я позову врача, и мы будем следовать его предписаниям. Мы поменяемся спальнями, ты переедешь в комнату, которая выходит на улицу, а я сюда. Ты не почувствуешь никакой перемены, все твои вещи мы перенесем. Но это еще успеется, а сейчас ложись-ка в постель, тебе необходим покой. Давай я помогу тебе раздеться, вот увидишь: я справлюсь. А может быть, ты уже сейчас хочешь перебраться в ту комнату? Тогда пока что ложись на мою кровать. Пожалуй, так будет даже разумнее.

Георг подошел вплотную к отцу, который поник седой всклокоченной головой.

– Георг, – позвал отец чуть слышно, не подымая головы.

Георг сейчас же опустился перед ним на колени, он увидел усталое отцовское лицо, увидел, что тот скосил на него глаза с необычно расширенными зрачками.

– У тебя нет друга в Петербурге. Ты всегда был шутником, ты не удержался и подшутил и надо мной. Ну откуда быть у тебя другу в Петербурге! Я этому поверить не могу.

– Ты вспомни, отец, – сказал Георг, поднял отца с кресла и, так как тот стоял перед ним такой беспомощный, снял с него халат. – Вот уже скоро три года, как мой друг приезжал к нам в гости. Я помню, что ты его недолюбливал. Во всяком случае, я два раза, никак не меньше, сказал тебе, что его у нас уже нет, а он сидел у меня в комнате. Такая нелюбовь мне вполне понятна, у моего друга есть свои странности. Но бывало и так, что ты охотно с ним беседовал. Я даже был горд, что ты его слушал, расспрашивал, поддакивал ему. Если ты подумаешь, ты обязательно вспомнишь. Он тогда рассказывал невероятные истории про русскую революцию. Так, раз в Киеве, куда он поехал по делам, он видел священника, который во время волнений вышел на балкон, вырезал себе на ладони большой крест и, подняв окровавленную руку, обратился к толпе. Ты же всем кому угодно рассказывал эту историю.

Между тем Георгу удалось снова усадить отца и осторожно снять с него трикотажные кальсоны, которые были надеты поверх полотняных, и носки. При виде белья далеко не первой свежести он упрекнул себя за то, что забросил отца. Следить, как часто отец меняет белье, конечно же, тоже было его обязанностью. Они с невестой еще не говорили определенно о том, как в дальнейшем устроят жизнь отца, ибо с молчаливого согласия предполагали оставить его на старой квартире. Но теперь Георг твердо решил взять его с собой в их будущий дом. Ведь если хорошенько подумать, то заботы, которыми он собирался окружить отца впредь, может стать, уже опоздали.

Георг взял отца на руки и понес в постель. Вдруг он заметил, что тот, прижавшись к его груди, играет с его цепочкой от часов, и ему стало страшно. Он не мог сразу уложить отца в постель, так крепко тот уцепился за эту цепочку.

Но очутившись в постели, он как будто опять пришел в себя. Сам укрылся, а потом натянул одеяло до подбородка. И смотрел даже ласково на Георга.

– Ты вспомнил его, ведь правда? – спросил Георг и, желая подбодрить отца, кивнул ему.

– Ты меня хорошо укрыл? – спросил отец, словно ему не было видно, закрыты ли у него ноги.

– Ты доволен, что лег в постель? – сказал Георг и подоткнул одеяло.

– Ты меня хорошо укрыл? – снова спросил отец, придавая, казалось, большое значение ответу.

– Успокойся, я тебя хорошо укрыл.

– Нет! – сразу же крикнул отец. Он отбросил одеяло с такой силой, что оно на мгновение взвилось вверх и развернулось, потом встал во весь рост в кровати. Только одной рукой он чуть придерживался за карниз. – Ты хотел меня навсегда укрыть, это я знаю, ну и сынок! Но ты меня еще не укрыл. И если мои силы уже уходят, на тебя-то их хватит, хватит с избытком. Да, я прекрасно знаю твоего друга. Такой сын, как он, был бы мне по сердцу. Потому ты и лгал ему все эти годы. И ни почему другому! Ты думаешь, я не плакал о нем? Потому ты и запираешься у себя в конторе, – шеф занят, к нему нельзя, – только для того, чтобы без помехи писать свои двуличные письма в Россию. Но, к счастью, отец видит сына насквозь, этому его учить не надо. Теперь ты решил, что подмял отца под себя, да так, что можешь сесть на него верхом, а он и не пикнет, вот тут-то мой любезный сынок и задумал жениться!

Георг в ужасе смотрел на отца. Образ петербургского друга, которого отец вдруг отлично вспомнил, завладел Георгом, как никогда. Он видел его затерянным в далекой России. Он видел его в дверях пустого, разграбленного магазина. Вот он стоит среди поломанных полок, развороченных товаров, сорванной арматуры. И зачем он уехал так далеко!

– Нет, ты посмотри на меня! – крикнул отец, и Георг почти машинально побежал к кровати, но остановился на полпути.

– Она задрала юбку, – пропел отец, – она задрала юбку, мерзкая баба, вот так, – и, чтобы наглядно показать как, отец задрал рубашку так высоко, что на бедре открылся рубец от полученной в военные годы раны, – она задрала юбку вот так, и вот так, и вот этак, а ты в нее и втюрился, и, чтобы ничто не мешало тебе удовлетворить свою похоть, ты осквернил память матери, предал друга и сунул в постель

отца, пусть лежит там и не двигается! Ну как, может он двигаться или нет?

И он стоял, ни за что не держась, и дрыгал ногами. Он сиял от сознания своей пронизательности.

Георг держался в углу, как можно дальше от отца. Он уже раньше решил внимательно следить, боясь, как бы отец не напал на него каким-нибудь обходным путем – может быть, сзади, может быть, сверху. Теперь он снова вспомнил об этом уже забытом им решении и сейчас же опять забыл его, словно продернул сквозь игольное ушко короткую нитку.

– Но друг не предан! – крикнул отец и в подтверждение своих слов потряс указательным пальцем. – Я был его заступником здесь, в нашем городе.

– Комедиант! – не удержался Георг, но тут же спохватился – к сожалению, слишком поздно – и прикусил язык, да так сильно, что глаза полезли на лоб и он даже присел от боли.

– Да, конечно, я разыгрывал комедию! Комедию! Удачное слово! Чем еще оставалось утешаться бедному овдовевшему отцу? Скажи – и на ту минуту, пока отвечаешь, будь по-прежнему мне любящим сыном, – что еще оставалось мне делать здесь, в темной каморке, мне, дряхлому старику, которого предали вероломные служащие? А мой сын жил припеваючи, заключал сделки, подготовленные мною, от радости на голове ходил и смотрел на отца с недоступным видом, словно и вправду порядочный человек! Ты думаешь, я не хотел бы тебя любить? Ведь я же тебя породил!

«Сейчас он наклонится вперед, – подумал Георг. – Хоть бы он упал и расшибся!» Это слово прошуршало у него в мозгу.

Отец наклонился вперед, но не упал. И так как Георг не подбежал к нему, как можно было бы ожидать, он снова выпрямился.

– Стой там, где стоишь! Ты мне не нужен. Думаешь, у тебя есть еще силы подойти и ты не подходишь потому, что сам не хочешь? Не заблуждайся! Я все еще намного сильнее тебя. Будь я один, мне, может быть, и пришлось бы уступить, но мать отдала мне свои силы, и с твоим другом мы отлично договорились, вся твоя клиентура у меня вот здесь, в кармане!

«Ишь ты, он в нижней рубаше, а у него карманы», – подумал Георг, и ему пришло в голову, что одной этой фразой он может погубить отца в глазах окружающих. Мысль эта только промелькнула у него в голове, так как сейчас он все тут же забывал.

– Возьми под ручку свою невесту и попробуй попасться мне на глаза! Я ее так от тебя отошью, что не обрадуешься!

Георг скривил рот, точно не веря отцу. Отец же только кивал головой в тот угол, где стоял Георг, подтверждая этим, что не шутит.

– Очень ты меня позабавил, когда явился сюда и спросил, писать ли другу о твоей свадьбе. Дурак, он все уже знает, все уже знает, все уже знает! Я написал ему, ведь ты же забыл спрятать от меня перо и бумагу.

Поэтому он уже несколько лет не приезжает, он все в сто раз лучше тебя знает, твои письма он, не читая, бросает в корзину, а мои читает и перечитывает!

Он так воодушевился, что взмахнул над головой обеими руками.

– Все в тысячу раз лучше тебя знает! – крикнул он.

– В десять тысяч раз! – сказал Георг, желая подразнить отца, но, еще не сорвавшись с губ, слова эти прозвучали чрезвычайно серьезно.

– Я уже не первый год жду, что ты обратишься ко мне с этим вопросом! Ты думаешь, меня что-нибудь еще занимает, ты думаешь, я газеты читаю? На! – И он швырнул в Георга газетой, которая случайно попала в постель. Давнишняя газета с совсем незнакомым Георгу названием. – Как долго ты не решался, пока не созрел окончательно! Мать успела умереть, ей не пришлось порадоваться на сына, друг твой погибает в своей России, уже три года тому назад он был такой желтый, что хоть на свалку неси, а я... сам видишь, какой я стал. Ты не слепой!

– Значит, ты шпионил за мной! – крикнул Георг.

– Это ты хотел, верно, раньше сказать. Сейчас это уже совсем ни к чему, – с сожалением, как бы про себя, заметил отец.

И прибавил громче:

– Итак, теперь ты знаешь – не ты один действовал, до сих пор ты знал только о себе! В сущности, ты был невинным младенцем, но еще вернее то, что ты сущий дьявол! И потому знай: я приговариваю тебя к казни – казни водой.

Георг почувствовал, словно что-то гонит его вон из комнаты, в ушах у него еще стоял шум, с которым отец грохнулся на постель.

На лестнице, по которой он сбегал, как по покатой плоскости, перепрыгивая через ступеньки, он налетел на служанку, она подымалась наверх, чтобы убрать квартиру.

– Господи Иисусе! – воскликнула она и закрыла фартуком лицо, но он уже исчез.

Выскочив из калитки, он перебежал через улицу, устремляясь к реке. Вот он уже крепко, словно голодный в пищу, вцепился в перила, перекинул через них ноги, ведь в юношеские годы, к великой гордости родителей, он был хорошим гимнастом. Держась слабыми руками за перила, он выждал, когда появится автобус, который заглушит звук его падения, прошептал: «Милые мои родители, и все-таки я любил вас» – и отпустил руки.

В это время на мосту было оживленное движение.